

ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ПРОИГРЫШ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БРАНДУКОВА ЕЛЕНА

Елена Брандукова

Твой главный проигрыш

<https://litres.ru/73931773>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Твой главный проигрыш» — это напряженная психологическая драма с элементами технотриллера, действие которой разворачивается в Сентинеле — городе, где жизнь каждого регламентирована системой социального рейтинга.

Главная героиня, Лея, пытается начать жизнь с «чистого листа», оплачивая свободу у шантажиста Итана. Однако прошлое настигает её: она оказывается втянута в опасную игру Даниэля Демарко, наследника влиятельной империи, который поставил на кон свою машину против её гордости.

Книга исследует темы власти, предательства и истинной свободы. Финал подчеркивает, что в мире алгоритмов победа возможна только через «критический сбой» — право на искренние чувства и собственный выбор.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1 — ТЕНИ И ЧЕРНИЛА	6
ГЛАВА 2 — ПРАВИЛА ИГРЫ	13
ГЛАВА 3 — ЦЕНА СВОБОДЫ	22
ГЛАВА 4 — СТАВКИ ВЫШЕ ЖИЗНИ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Брандукова

Твой главный проигрыш

ПРОЛОГ

Говорят, что самые опасные игры начинаются не со свистка судьи, а с тишины. С того самого момента, когда ты решаешь, что прошлое — это просто старый архив, который можно запереть на ржавый замок и выбросить ключ в самую глубокую реку Сентинела.

Я верила в это. Я верила, что если я буду достаточно тихо дышать, достаточно быстро разносить заказы в «Old House» и достаточно усердно игнорировать письма от Итана, мир позволит мне стать кем-то другим. Но в этом городе у стен были уши, у теней — лица, а у каждого твоего секрета — своя цена в системе социального рейтинга.

«Ставка принята, Даниэль. Твоя машина против её гордости».

Эти слова не были произнесены вслух при мне, но я чувствовала их вибрацию в воздухе школьных коридоров. Они витали вокруг Даниэля Демарко, как холодный туман. Он смотрел на меня не как на человека, а как на сложную архитектурную задачу. Как на переменную, которую нужно было вычислить, использовать и стереть.

Я не знала, что за его спиной стоит Виктор — человек, который превратил весь мир в огромный сервер, где каждое сердцебиение было лишь битом информации. Для него любовь была багом в системе, а сострадание — критической ошибкой кода.

Мы все были игроками. Даниэль играл на интерес. Его отец играл на власть. Я играла на жизнь.

Теперь, стоя на вершине Шпиля, я понимаю одну истину. Чтобы выиграть в этой системе, нужно было перестать бороться проигрыша. Нужно было позволить хаосу войти в твои вены, разрушить алгоритмы и сжечь мосты к тому «идеальному порядку», которым нас душили годами.

Даниэль потерял свою неуязвимость. Виктор потерял контроль. А я... я потеряла всё, что считала собой, чтобы в этом оглушительном Шуме наконец услышать свой собственный голос.

Добро пожаловать в Сентинел. Место, где твой самый громкий успех всегда будет лишь прелюдией к твоему главному проигрышу.

ГЛАВА 1 — ТЕНИ И ЧЕРНИЛА

Новая жизнь на вкус всегда слаще, чем на деле. В воображении она рисуется легкими акварельными мазками: почти невесомая, прозрачная, словно ты просто захлопываешь старую, потрепанную книгу с плохим финалом и открываешь блокнот с девственно чистыми листами. Без помарок. Без жирных клякс. Без свинцового груза прошлого, который тянет ко дну.

Но реальность бьет под дых запахом залежалой пыли и тяжестью чужого картона. Оказывается, переезжая, ты не оставляешь себя прежнюю на перроне — ты бережно упаковываешь всё свое «вчера» в коробки, заклеиваешь их липкой лентой и тащишь за собой, надрывая спину и душу.

Я стояла посреди гостиной, и тишина чужой квартиры давила на барабанные перепонки сильнее, чем привычный гул мегаполиса за окном. Это место не было моим. Казенная мебель, безликие бежевые обои, которые в сумерках казались грязно-серыми, и едва уловимый, едкий запах дешевых моющих средств — стандартный набор съемного жилья. Хозяин квартиры, сухой мужчина с цепким, как у стервятника, взглядом, при передаче ключей дважды повторил: «Никаких гвоздей в стенах и никаких вечеринок». Будто я собиралась праздновать крушение собственной жизни, вбивая костыли

в эти картонные перегородки.

Коробки были повсюду, словно неровные крепостные стены моего временного форта. Коричневый картон, ядовито-желтый скотч — я не спешила его срезать. Пока вещи томились внутри, этот переезд всё еще казался затянувшимся привалом. Но стоит вскрыть их, расставить книги по полкам, коснуться пальцами корешков — и ловушка захлопнется. Я официально признаю, что мне некуда больше бежать.

Я медленно прошла к центру комнаты. Мои каштановые волосы, наспех собранные в небрежный пучок, щекотали шею. Я коснулась кончиками пальцев ламинированной поверхности стола. Скользко. Холодно. Чужое. Квартира была стерильной и равнодушной, как палата в дешевом хосписе. На скуле всё еще были невидимые отметины прошлого — три тонких шрама, как напоминание о том, что красота бывает хрупкой, а чужая ярость — осязаемой.

— Чистый лист, — прошептала я, и мой голос, обычно мягкий, прозвучал надтреснуто и чужеродно в этой пустоте. — Надейся и жди, Лея.

На подоконнике забился в конвульсиях телефон. Резкий, дребезжащий звук о дешевый пластик заставил меня вздрогнуть, словно от удара плетью. Я подошла, чувствуя, как внутри всё начинает неметь, а конечности наливаются свинцом.

Мир за окном померк. На дисплее горело всего одно имя, выведенное беспощадным, кричащим капсом: **ИТАН.**

Его фото — случайный снимок, сделанный в парке, когда

я еще по наивности считала себя любимой — теперь казалось посмертной маской дьявола. Холодные, светлые глаза, едва уловимая, торжествующая полуулыбка хищника. Воздух в легких мгновенно превратился в битое стекло. Стены съемной квартиры поплыли, превращаясь в тот самый темный коридор. Вспышка фантомной боли в лопатках — я кожей почувствовала холод бетонной стены, к которой он меня прижимал.

Итан снова был здесь. Его рука, тяжелая, пахнущая дорогим табаком и властью, словно снова сомкнулась на моем горле. «За молчание ты будешь платить, Лея, — его шепот в моей голове был громче грозы. — Ты ведь не хочешь, чтобы они узнали правду? У тебя нет выхода, милая. Его просто не существует».

Телефон продолжал вибрировать, медленно ползя по подоконнику к самому краю, как насекомое, пытающееся покончить с собой. Я смотрела на него, парализованная, не в силах пошевелить даже пальцем. Горло засадило от воображаемого давления. Мне казалось, если я нажму на кнопку «принять», его тонкие пальцы материализуются прямо из динамика.

Вибрация прекратилась так же внезапно, как и началась. В комнате воцарилась гробовая тишина, но в ушах всё еще стоял шум собственной крови. Прошрое не осталось в коробках. Оно вычислило мой новый адрес раньше, чем я успела распаковать зубную щетку.

Вечер опустился на город вязкой, чернильной синевой. Одержимая желанием сбежать из давящих стен, которые стали казаться камерой, я вышла на балкон. Прохладный вечерний воздух тут же забрался под тонкую кожу черной кожаной куртки, накинутой поверх худи. Я почти не почувствовала холода — мои щеки и так горели от ледяной ярости и адреналина.

Балкон был крошечным, с облупившейся краской на перилах. Я надела наушники, врубив тяжелый, ломаный бит на максимум. Ритм должен был выбить из головы ядовитый голос Итана. Я прислонилась к перилам, глядя на дом напротив. Окна в окна. Слишком близко. Слишком интимно для этого равнодушного города.

В прямоугольнике света напротив возник силуэт. Парень подошел к стеклу, и мир вокруг меня словно лишился звука, несмотря на грохот басов в ушах. Он сорвал с себя футболку резким, почти животным движением.

Я замерла. На его правом плече, подобно черному терновому венцу, расплывалось сложное сплетение татуировок — острые шипы, хаотичные линии, впивающиеся в его мускулистую кожу. Его темные, непослушные волосы были взлохмачены, а черты лица — резкие, правильные, словно высеченные из мрамора молодым, но злым скульптором. Под его левым глазом виднелась свежая ссадина, добавляющая его облику опасного шарма.

Я заворуженно наблюдала за этой агрессивной эстетикой, чувствуя себя невидимкой в темноте своего балкона. Но инстинкт самосохранения вдруг взвыл сиреной.

Зверь меня учуял.

Он замер. Его голова повернулась медленно, хищно, словно он зафиксировал движение жертвы на периферии зрения. Взгляд его темных глаз, тяжелый и острый, как лезвие скальпеля, впился точно в то место, где стояла я.

Меня обдало жаром. Сердце в груди забилося в бешеном, рваном ритме, ударяя в ребра изнутри. Я должна была отступить в тень, зайти в комнату, исчезнуть — но ноги словно приросли к бетону. Это был момент абсолютной, кристальной фиксации двух одиночеств в ночном городе. Он не отвел глаз. Напротив, он сделал шаг к самому стеклу, сокращая расстояние. Теперь я видела его отчетливо: жесткую линию челюсти и ледяное, почти пугающее торжество в глазах.

Он вдруг развернулся и исчез в глубине комнаты. Я судорожно выдохнула, чувствуя, как предательски дрожат колени. Воздух с трудом протискивался в сжатое спазмом горло. «Всё, — пронеслось в голове, — он просто ушел». Я уже потянулась к ручке балконной двери, чтобы сбежать, как вдруг он возник снова.

Он прижал к стеклу белый лист бумаги. Размашистые черные буквы, выведенные маркером, буквально кричали:

«ИНТЕРЕСНО?»

Внутри меня что-то щелкнуло. Страх, только что сжимав-

ший горло липкими пальцами Итана, мгновенно перегорел, оставив после себя чистую, сухую ярость. *Ах ты, самовлюбленный придурок.* Он думал, что я смущусь? Что я — очередная запуганная девчонка, пойманная на подглядывании за «плохим парнем»?

Я посмотрела ему прямо в глаза — долго, вызывающе, не моргая. Затем медленно подняла указательный палец, давая жесткий знак: «Жди здесь».

Я нырнула в комнату, лихорадочно схватила первый попавшийся маркер и лист из стопки. Руки всё еще подрагивали, но уже не от ужаса, а от закипающего азарта. Начертив одно единственное слово, я вернулась на балкон.

Он не шелохнулся. Он стоял в той же позе, сложив мощные, покрытые чернилами руки на груди. На его лице играла та самая расчетливая, порочная усмешка, которую я увидела секундой ранее. Я подошла к самым перилам и с силой прижала свой ответ к стеклу ограждения.

«ОЧЕНЬ»

На мгновение его маска самоуверенности треснула. Я видела, как он прочитал надпись, как его темные брови удивленно поползли вверх. Секунда тишины, растянутая до предела, и вдруг его губы дрогнули. Он не разозлился. Он коротко, искренне усмехнулся, признавая мой выпад. В этом взгляде больше не было насмешки — там был интерес игрока, встретившего достойного противника.

Но я не собиралась давать ему шанс на ответный ход.

Глядя на него с самым холодным и безразличным выражением лица, на которое была способна, я медленно и отчетливо показала ему средний палец. Это была точка. Жирная, недвусмысленная, наглая точка в нашем первом диалоге.

Не дожидаясь реакции, я резко развернулась на каблуках и вошла в квартиру. Захлопнув дверь, я тут же дернула тяжелые шторы, отрезая себя от его окон и его присутствия, и прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось так, будто я только что вышла из клетки со львом — живой, целой и с трофеем в руках.

Я сползла по стене вниз, тяжело дыша.

— Отличное начало, Лея, — прошипела я в пустоту. — Первый день — и у тебя уже шантажист на проводе и татуированный психопат в окне напротив.

Я подошла к подоконнику, где лежал телефон. Не глядя на экран, я перевернула его стеклом вниз, словно запечатывая портал в свое темное прошлое.

Чистый лист моей новой жизни оказался испачкан чернилами старых угроз и странным пламенем нового интереса раньше, чем я успела написать на нем хоть слово. Но теперь, вспоминая тяжелый, обжигающий взгляд соседа, я понимала одно: в этой главе я больше не позволю прижимать себя к стене. Никому. Даже если для этого придется самой стать хищником.

ГЛАВА 2 — ПРАВИЛА ИГРЫ

Утро выдалось неестественно тихим, словно город накрыли тяжелым ватным одеялом. В съемной квартире, залитой бледным, почти прозрачным светом, не было слышно ни звонков Итана, ни того фантомного шепота из прошлого, который обычно преследовал меня по ночам. Лишь мерное, раздражающе-четкое тиканье настенных часов в кухне напоминало о том, что время не остановилось — оно просто затаилось, как хищник в высокой траве, выжидающий идеальный момент для прыжка.

У меня был план, выстроенный с холодным математическим расчетом. Во-первых, отнести документы в старшую школу, чтобы наконец утвердить свое присутствие в этой новой реальности и превратиться из беглянки в обычную ученицу. Во-вторых — и это было жизненно важно — найти работу. Свобода в этом мире стоила неоправданно дорого, а цена, которую заломил Итан за свое ядовитое молчание, росла с каждым днем, как проценты в самом страшном банке мира.

Я сварила кофе, наблюдая, как темные капли медленно заполняют чашку. Густой, горький аромат немного притупил липкое чувство тревоги, осевшее на дне желудка. С горячей керамикой в руках я по привычке вышла на балкон,

подставляя бледное лицо прохладному утреннему воздуху. Ветер игриво перебирал пряди моих волос, выбившихся из узла, но я едва это замечала.

Силуэт в окне напротив возник почти мгновенно, стоило моим пальцам коснуться облупившихся перил. Было пугающее ощущение, что он не просто там стоял, а буквально материализовался из густой тени комнаты, едва почувствовав вибрацию моего присутствия. Снова без футболки. Снова эта ленивая, подчеркнуто-хищная поза. Он стоял, прислонившись плечом к оконной раме, словно негласный хозяин этого квартала, лениво обозревающий свои владения.

Утренний свет, еще мягкий и золотистый, нещадно подчеркивал острые, как бритва, линии его плеч и темную, запутанную вязь татуировки на руке. В лучах солнца эти черные шипы казались живыми, зловещими, впивающимися в его рельефные мышцы.

Я заставила себя не смотреть. Мучительным усилием воли я сжала пальцами теплую чашку и устояла на пыльные кроны деревьев внизу, лихорадочно прокручивая в голове тезисы для предстоящего разговора в школе. Для меня он должен был оставаться лишь частью безликого городского шума — назойливой, но статичной помехой. Но воздух между нашими балконами за долю секунды стал плотным, густым и наэлектризованным, как перед сокрушительной грозой.

С той стороны стекла Даниэль не просто смотрел — он изучал её. Для него она стала редким, необъяснимым явлением, которое внезапно нарушило многолетнюю, выверенную скуку этого района. В его темных глазах не было обычного, примитивного мужского интереса; это было холодное, почти научное любопытство коллекционера, обнаружившего уникальный экземпляр. Она была тем самым «новым элементом» в его предсказуемом, сером мире, и эта новизна пьянила покруче любого виски.

Даниэль видел всё: как мелко подрагивают её тонкие пальцы на белой чашке, как едва заметно, рвано вздымается её грудь под тканью домашней футболки.

«Слишком спокойная для той, кто вчера едва не задохнулась от одного моего взгляда», — подумал он, и на его губах, четко очерченных и жестких, заиграла едва заметная, опасная усмешка.

Его до крайности забавляло это подчеркнутое, почти театральное игнорирование. Он чувствовал странную власть в самом этом моменте: он знал, что она его видит. Он заставил её напрячь спину, заставил её играть в эту тихую, изматывающую войну нервов. Она пыталась казаться гранитной скалой, но Даниэль видел трещины в её защите. Она была как натянутая до предела струна, и в его пальцах, привыкших к грубой силе, чесалось желание узнать, какой именно звук она издаст, если по ней ударить чуть сильнее. В этой девчонке чувствовалась дистанция, которую невозможно было про-

бить банальным флиртом или дешевыми комплиментами. Там была бездонная глубина, скрывающая какую-то тьму, и эта тайна манила его с неодолимой силой.

Он хотел, чтобы она снова обернулась. Хотел снова поймать этот колючий, обжигающий блеск вызова в её глазах.

Его размышления прервал резкий, вибрирующий звонок телефона, лежащего на тумбе. Даниэль бросил быстрый, почти собственнический взгляд на затылок Леи, нахмурился, словно его оторвали от захватывающего фильма, и нехотя отступил вглубь комнаты, растворяясь в полумраке.

Лея краем глаза уловила его уход. Давление в районе затылка, которое она физически ощущала всё это время, мгновенно испарилось. Она не повела и бровью, медленно, смакуя каждую каплю, допила уже остывший кофе и, наконец, позволила себе рвано выдохнуть. Осада на сегодня была снята, но интуиция кричала — это была лишь легкая разведка боем.

Сборы заняли не больше двадцати минут. Потертые джинсы, простая черная футболка и папка с документами, прижатая к груди, — мой единственный бронежилет на сегодня. Я уже потянулась к дверной ручке, готовая выйти навстречу новой судьбе, когда этот звук разрезал утреннюю тишину двора, как раскаленный нож масло.

Низкий, утробный, почти животный рокот мощного двигателя. От этой тяжелой вибрации мелко задрожали стекла

в гостиной, а у меня внутри всё просто обрушилось вниз, в бездонную пропасть.

Пuls мгновенно подскочил к горлу, перекрывая доступ к кислороду. **Итан.** Этот рык мотора я узнала бы из тысячи похожих звуков — звук приближающейся беды, звук абсолютного контроля, звук его болевой власти надо мной. Тело сработало быстрее разума, подчиняясь древним инстинктам: я отпрянула от двери и, прижавшись спиной к холодной стене, осторожно, по сантиметру, выглянула в окно.

У подъезда, сверкая на солнце, замер матовый черный «Мустанг». Автомобиль выглядел как чистая, концентрированная агрессия, запертая в холодном металле. Широкий капот, хищный оскал радиаторной решетки — настоящий дорожный монстр.

Я зажмурилась на секунду, до боли сцепив зубы, ожидая увидеть, как из кожаного салона выйдет тот, кто превратил мою жизнь в тлеющий пепел. Но когда тяжелая дверь открылась, на асфальт ступил «экспонат» из окна напротив.

Страх не исчез, он просто сменил форму, превращаясь в тяжелый, свинцовый ком разочарования. В лучах солнца Даниэль выглядел еще внушительнее и опаснее. Он небрежно накинул черную кожаную куртку, которая идеально сидела на его широких плечах, скрывая часть татуировок, и привычным движением крутанул на пальце связку ключей.

«Ну конечно», — я прислонилась лбом к стеклу, чувствуя, как паника сменяется ядовитой, обжигающей горечью. —

«Типичный сценарий».

Тот же тип. Тот же холодный, расчетливый взгляд человека, который свято верит, что этот город — его личная песочница, а люди в нем — послушные игрушки. Тот же мажорный лоск, татуировки как боевой покрас варвара и машина, стоимость которой, вероятно, превышала мой возможный заработок за десять лет вперед. Даниэль стоял у своего железного зверя с той же заносчивой, непоколебимой уверенностью, которая когда-то так легко очаровала меня в Италии, прежде чем тот начал ломать мои кости и волю.

Он был очередной, улучшенной копией моего кошмара. Парень, чье эго явно требовало отдельного парковочного места.

Я резко оттолкнулась от подоконника, словно обжегшись, и поправила лямку сумки. У меня не было времени на бесплатную оценку чужого автопарка, и уж точно не было душевных сил на очередного «короля мира». Мне нужно было на собеседование, подальше от этих окон, от этого запаха бензина и чужой, душной власти.

В девять утра я уже стояла перед монументальными дверями школы. В коридорах царила непривычная тишина — первые уроки уже начались, и лишь приглушенные, монотонные голоса учителей за закрытыми дверями нарушали этот покой.

Кабинет директора располагался в самом конце длинно-

го, пахнувшего свежей краской крыла. Золотистая табличка «Мистер Абрамс» была начищена до зеркального блеска. Я сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь в коленях, постучала и вошла.

Внутри пахло старой, пожелтевшей бумагой и дорогим, тяжелым табаком. Кабинет был заставлен массивными книжными шкафами до самого потолка, а на стенах висели почетные грамоты в рамках. Сам мистер Абрамс — грузный мужчина с пышными седыми усами и удивительно добрыми, но пронизательными глазами — поднял взгляд от вороха бумаг.

— Мисс Лея? Проходите, я вас ждал. Садитесь.

Я протянула ему папку. Он медленно, с расстановкой изучил мои документы, пару раз одобрительно хмыкнув себе под нос.

— Ваши оценки в прежней школе впечатляют, юная леди. Нашему заведению нужны прилежные ученики, особенно когда они приходят в самый разгар семестра. Что ж, формальности соблюдены. Можете приступить к занятиям с завтрашнего дня. Расписание заберете у секретаря на выходе.

— Спасибо, мистер Абрамс, — я вежливо кивнула, чувствуя, как с моих плеч наконец-то свалился один крошечный, но осязаемый камень.

Выйдя из прохладного здания школы, я направилась в ближайший парк, стараясь держаться тенистых аллей. Солн-

це припекало, заливая дорожки ярким золотом, но для меня этот свет был слишком ослепляющим, вызывающим почти физическую тошноту. Внезапно в кармане джинсов короткими, злыми очередями завибрировал телефон.

Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в район желудка, превратившись в кусок льда. Я замерла посреди дорожки, боясь даже коснуться мобильного. В голове, как в испорченном проекторе, замелькали сообщения, которые Итан присылал мне раньше: бесконечные цифры с множеством нулей, зернистые фотографии с того самого дня, который я мечтала забыть, и лаконичное, как удар хлыстом: *«Время уходит, Лея. Я не люблю ждать»*.

Дрожащими, похолодевшими пальцами я вытянула телефон. Всего лишь рекламная рассылка от ближайшей пиццерии.

Я шумно, со свистом выдохнула, чувствуя, как по позвоночнику стекает ледяная капля пота. Тень Итана следовала за мной по пятам, она пряталась в каждом входящем уведомлении, в каждом резком окрике на улице. Он не просто требовал деньги — он наслаждался процессом, методично разрушая мою нервную систему этим ожиданием.

Я выбрала самую уединенную скамейку в глубине парка и рывком открыла крышку ноутбука. Экран на мгновение ослепил меня белизной. В поисковой строке я ввела слова, ставшие моим единственным призрачным шансом на спасение: *«Работа. Выплаты ежедневно. Без опыта. Срочно»*.

Список вакансий замелькал перед глазами: официантка в круглосуточную забегаловку, курьер на личном велосипеде, упаковщица на холодный склад... Мне было абсолютно плевать на престиж, графики или собственные интересы. Каждое отправленное резюме было для меня патроном, загнанным в обойму. Мне была нужна сумма, способная купить еще хотя бы месяц его молчания. Еще один месяц жизни без парализующего страха, что его «Мустанг» припаркуется под моими окнами по-настоящему.

Пальцы быстро забегали по клавишам, заполняя бесконечные анкеты. Каждое нажатие на кнопку «Отправить» сопровождалось безмолвной молитвой. В этой новой, написанной на коленке главе жизни у меня не было права на ошибку. Потому что Итан никогда не прощал долгов. И он уж точно ненавидел ждать слишком долго.

ГЛАВА 3 — ЦЕНА СВОБОДЫ

Телефон на скамейке пискнул — короткий, сухой звук, от которого я вздрогнула всем телом. Уведомление о новом письме. «Вакансия официантки: актуально. Ждем на собеседование прямо сейчас». Я вскочила со скамейки, едва не выронив ноутбук на гравийную дорожку. Нельзя было упустить ни секунды. В моем положении время было не просто ресурсом, оно было валютой, которую я стремительно тратила. Адрес в письме вел в небольшое, но невероятно оживленное кафе в самом центре — «Rusty Anchor». Место, где гул голосов никогда не стихал, а запах соли и жареного мяса въедался в одежду навсегда.

Собеседование прошло на удивление быстро, почти механически. Управляющий, замученный мужчина лет сорока с глубокими морщинами на лбу и вечным, исписанным вдоль и поперек блокнотом в руках, окинул меня коротким, оценивающим взглядом. Его глаза, красные от недосыпа, задержались на моих руках — он искал следы неуверенности.

— Опыт есть? — его голос был сухим, как старый пергамент.

— Обучаюсь быстро, схватываю всё на лету, — отрезала я, глядя ему прямо в глаза, не позволяя себе даже моргнуть. В моем взгляде была та самая отчаянная решимость, которую

люди часто принимают за профессионализм.

— Ладно. Платят сразу после смены, наличными. Весь чай — твой. Готова? Тогда накидывай фартук и приступай прямо сейчас, у нас запара, — он махнул рукой в сторону кухни, откуда доносился грохот посуды.

Я накинула темно-синий форменный фартук, затянув узлы на талии так туго, что это стало похоже на корсет, и нырнула в бурлящий водоворот заказов. Тяжелая работа помогала не думать. Подхватить поднос, заставленный тяжелыми кружками, дежурно улыбнуться, запомнить, что столик номер пять просил двойной эспresso без сахара, а за седьмым недовольно морщатся из-за остывшего супа. У меня получалось всё и сразу — адреналин страха работал лучше любого допинга. Когда к середине вечера в моем глубоком кармане впервые зашуршали бумажные купюры «чайных», я почувствовала мимолетный, почти болезненный укол радости. Каждая помятая бумажка была еще одним крошечным кирпичиком в той стене, которую я отчаянно пыталась возвести между собой и Итаном.

Но стоило на секунду замедлиться, пока кофемашина с шипением выпускала пар, как прошлое накрывало с головой.

Флэшбеки Итана вспыхивали перед глазами, как рваные кадры из старого хоррора. Его лицо в стерильном, залитом холодным светом отделении полиции, когда он с обманчиво доброй, почти святой улыбкой подписывал документы о моем освобождении. Он буквально выкупил меня у право-

судия, превратив в свою личную, легальную собственность. «Теперь ты принадлежишь мне, Лея, — шептал он мне на ухо, когда его машина увозила меня прочь от решеток в этот чужой город. — Я дал тебе крышу над головой, я дал тебе призрачный шанс. Но если ты перестанешь платить за тишину... я сам, своими руками, отведу тебя обратно. И на этот раз дверь за тобой закроется навсегда».

Я вздрогнула, едва не выронив поднос с грязной посудой. Тряхнула головой, прогоняя липкое наваждение. Нужно работать. Нужно двигаться. Движение — это жизнь.

Зал «Rusty Anchor» был забит до отказа. Суета, звон столовых приборов, чей-то громкий смех и густой туман табачного дыма у входа. Управляющий коротко кивнул на угловой столик, скрытый в уютной полутени за тяжелой дубовой колонной.

— Лея, прими заказ у девятого. Поживее.

Я подошла, на ходу доставая блокнот и карандаш, готовая выдать очередную заученную фразу. И замерла на месте, забыв, как дышать.

Там был он. **Даниэль.**

Он сидел в самом центре шумной компании, развалившись на кожаном диване с тем же ленивым, раздражающим превосходством, что и утром в окне. Его рука, покрытая чернильной вязью шипов, лежала на плече эффектной брюнетки — лежала по-хозяйски, расслабленно и уверенно. Рядом о чем-то громко, перебивая друг друга, спорили двое парней.

Я сделала глубокий вдох, силой воли надевая маску ледяного профессионального равнодушия. Будто мы не виделись вчера. Будто я не задыхалась от его изучающего взгляда на балконе. Будто его матовый «Мустанг» не стоял сейчас на парковке, издевательски напоминая о моем кошмаре.

— Добрый вечер. Вы готовы сделать заказ? — мой голос был ровным и прозрачным, как гладь замерзшего лесного озера.

Даниэль медленно поднял голову. Наши взгляды столкнулись, и в зале словно стало на несколько градусов холоднее. Я увидела, как в его темных глазах вспыхнуло мгновенное узнавание, которое тут же сменилось ироничным, почти торжествующим интересом. Он не произнес ни слова приветствия, но едва заметно, почти незаметно для окружающих, кивнул своему другу Марку, сидевшему напротив. Короткий, многозначительный жест, который кричал: *«Смотри, это та самая девчонка с балкона»*.

Марк тут же уставился на меня с нескрываемым, наглым любопытством, но Даниэль уже переключил внимание на меня, пролистывая страницы длинными пальцами.

— Три бургера «Шериф», пять бутылок самого холодного пива и... — он сделал паузу, обжигая меня взглядом, от которого по коже пошли мурашки, — самый крепкий кофе для леди. Черный, как её душа.

Закончив записывать, я сухо кивнула и почти убежала, чувствуя, как лопатки буквально жжет от его пристального

внимания. Отойдя к стойке бара, я не выдержала и на секунду обернулась. Даниэль не смеялся вместе с друзьями над какой-то шуткой. Он наблюдал за мной через весь зал, не скрываясь, подперев подбородок рукой. Его взгляд стал тяжелым, изучающим, лишенным той утренней насмешки — в нем читалось что-то гораздо более опасное.

— Послушай, — я тронула напарницу за плечо, чувствуя, как мелко дрожат мои руки, — обслужи девятый столик вместо меня, пожалуйста. У меня... голова внезапно разболелась.

— О, там вроде щедрые ребята, — подмигнула та, поправляя прическу перед зеркалом. — Без проблем, Лея.

Когда шумная компания Даниэля наконец покинула заведение, напарница подошла ко мне, протягивая аккуратно сложенную пятидесятидолларовую купюру.

— Тот парень с татуировками... ну, самый эффектный. Просил передать именно тебе. Сказал, что это персонально за твою «внимательность».

Я посмотрела на темный выход. Черный «Мустанг» уже давно скрылся в ночи, оставив после себя лишь запах жженой резины, но я знала, что он всё еще чувствует этот раунд за собой.

— Давай поделим пополам, — сказала я, отодвигая деньги. — Ты их заслужила, бегая к ним весь вечер.

Смена закончилась далеко за полночь. Ноги гудели так, будто по ним проехался каток, спина молила о пощаде при

каждом движении. Я заперлась в туалете и пересчитала мятые купюры, которые сжимала в кулаке. Пальцы едва слушались, они стали чужими. Глядя на итоговую сумму, я почувствовала, как внутри что-то болезненно, до тошноты сжалось.

Этого хватало. Если завтра же, в первый же час работы банка, отправить перевод, Итан замолчит еще на одну неделю. Всего семь дней призрачной тишины. Семь дней жизни, купленных ценой двенадцатичасового ада на ногах в душном кафе.

В голове всплыл график на завтра: ранние лекции, библиотека, работа над эссе, а потом снова вечерняя смена. И так по кругу. Бесконечная, замкнутая петля. Я осознала это с пугающей, кристальной ясностью — в моей жизни больше не осталось места для пауз. Нет времени на кофе в тишине, на чтение книг для души или на то, чтобы просто бесцельно смотреть в окно на закат. Мое свободное время теперь полностью принадлежало Итану и этой бесконечной гонке за право дышать. Каждый мой вздох теперь имел цену, и эта цена была непомерно высока.

Я вызвала такси, стараясь не смотреть на баланс карты. Прислонившись лбом к холодному, вибрирующему стеклу старой машины, я смотрела на огни ночного города, которые сливались в одну длинную, безразличную полосу. Город жил своей шумной, яркой жизнью, пока я в одиночку пыталась выкупить свою.

Дома я сбросила стоптанные кроссовки прямо у порога, не заботясь о том, как они валяются. Не раздеваясь, я рухнула на кровать, которая казалась сейчас самым мягким местом во вселенной. Сон накрыл меня мгновенно — тяжелый, липкий, пахнувший дешевым кухонным жиром, кофе и едва уловимым, дразнящим парфюмом Даниэля — смесью кожи и сандала, которая, казалось, въелась мне под кожу.

Я засыпала с одной единственной мыслью: завтра нужно встать ровно в шесть. Завтра нужно снова бежать изо всех сил, чтобы просто оставаться на месте. В этой новой жизни у сна не было вкуса отдыха — у него был только вкус кратковременного забытья перед новым боем.

ГЛАВА 4 — СТАВКИ ВЫШЕ ЖИЗНИ

Утро ворвалось в спальню бесцеремонно и грубо, рассыпаясь по стенам колючими искрами света, который резал еще не привыкшие к бодрствованию глаза. Я проснулась за несколько минут до звонка будильника — тело ныло от непривычно жесткого матраса съемной квартиры, а затуманенный сном разум никак не мог состыковаться с новыми географическими координатами. Где я? Ах да, в своем новом «убежище», которое всё больше напоминало клетку.

На ходу собирая спутанные за ночь каштановые волосы в тугой, небрежный пучок и кутаясь в безразмерный, растянутый худи, я подошла к окну. Рука привычным, почти автоматическим жестом дернула тяжелую ткань штор, впуская просыпающийся город внутрь... и я замерла, так и не завершив движение.

Он уже был там.

В том же самом окне напротив, на своем неизменном посту, словно он ни разу не сдвинулся с места за всю ночь, превратившись в гранитное изваяние. Плечом он опирался на раму, поза была расслабленной, но взгляд — спокойный, заземленный и абсолютно осознанный — был прикован к мо-

им шторам. И, что самое раздражающее, в его руках снова белел лист бумаги. Чистый, заранее заготовленный, как будто он с точностью до секунды знал, когда я решу взглянуть наружу.

Даниэль медленно, намеренно растягивая момент, перевернул его, прижимая к стеклу.

«ДОБРОЕ УТРО»

Я застыла, чувствуя, как по коже пробежал колючий, неприятный холодок. Между нашими домами в этот миг натянулась невидимая струна, вибрирующая от негласного, опасного вызова. Это не было обычным любопытством скупающего соседа. Даниэль стоял с таким видом, будто я была его личным научным проектом, за которым он наблюдает в стерильной лаборатории. Он впитывал мою реакцию, считывал малейшее движение моих губ и ту короткую заминку в дыхании, которую я не смогла скрыть. Ему был нужен результат этой мелкой провокации. Ему нужно было мое внимание.

— Ты издеваешься?.. — едва слышно прошептала я, чувствуя, как утренний страх начинает стремительно переплавляться в ядовитую, защитную ярость.

Что это — просто затянувшаяся скука мажора, которому в жизни не хватает острых ощущений? Или он, как и Итан, почуял во мне ту самую «жертву», которую можно подчинить одним лишь фактом своего доминирующего присутствия? Его непоколебимая уверенность в том, что я не смо-

гу не посмотреть, что я буду подсознательно искать его силуэт в оконном проеме, — вот что бесило по-настоящему. Он заставлял меня играть по своему сценарию, бесцеремонно превращая мой единственный островок безопасности в сцену для своих утренних представлений.

Я увидела, как уголок его жестких губ едва заметно дернулся вверх. Он поймал мою эмоцию. Он получил ту искру, за которой пришел.

Резким, яростным рывком я задернула штору обратно, возвращая комнату в полумрак и отсекая этот тяжелый, липкий взгляд. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица. Если Даниэль думает, что я стану его очередным трофеем в коллекции или покорным зрителем, то он совершает самую большую ошибку в своей жизни. Я уже видела таких «королей мира», и я больше не собираюсь танцевать под чужую музыку. Даже если она звучит чертовски красиво.

Школа встретила меня оглушительной какофонией звуков: звонками, грохотом шкафчиков и бесконечным гулом голосов. Поскольку это был выпускной класс, общая атмосфера была пропитана чем-то более тяжелым и взрослым, чем обычные подростковые вопли. Коридоры гудели, как растревоженный улей перед бурей.

Я шла медленно, намеренно выдерживая дистанцию от групп студентов. Сверившись с расписанием, я нашла нужный кабинет литературы. Тяжелая дубовая дверь была при-

открыта. Я толкнула ее, сделала шаг внутрь, вдыхая запах мела и старой бумаги... и мир на секунду схлопнулся в одну ледяную точку.

Он. Снова он.

Даниэль сидел за одной из средних парт, непринужденно закинув ногу на ногу и крутя в пальцах дорогую зажигалку. В его взгляде, устремленном на дверь, не было ни капли удивления — только тихое, триумфальное ожидание охотника, дождавшегося дичь на водопое.

«Сука», — едва слышно прошептала я одними губами, чувствуя, как кончики пальцев мгновенно холодеют. Он преследует меня? Или этот проклятый город настолько мал, что мне физически негде скрыться от этой тени?

Его губы растянулись в улыбке — той самой, которую хищники приберегают для момента, когда затаенная ставка наконец сыграла. Сидевший рядом с ним парень — взъерошенный, с живыми, азартными глазами — быстро перевел взгляд с меня на него.

— Это ведь та самая девчонка из кафе? Мне ведь не кажется — шепнул он, но в тишине класса звук разнесся отчетливо.

— Именно, — голос Даниэля оказался низким, с легкой, дразнящей хрипотцой. — И кажется, она точно будет моей.

Я демонстративно, чеканя каждый шаг, прошла в самую глубь класса, игнорируя их присутствие так, словно они были пустыми местами.

— Серьезно, Дани? — Марк скептически вскинул бровь.

— Ты ставишь на новенькую? Она же насквозь пропитана льдом. У нее взгляд такой, будто она видит тебя в гробу.

— Это только вопрос времени и правильного подхода, — лениво отозвался Даниэль. Он произнес это так буднично, словно обсуждал вероятность дождя в четверг.

Марк азартно подался вперед, чувствуя запах крови.

— И сколько ты себе даешь? Месяц? Два? С такой ледяной леди придется повозиться.

— Месяц — это для дилетантов и неудачников. Неделя, — отрезал Даниэль.

Он наконец перестал мучить зажигалку и резко сжал ее в кулаке. Металл больно впился в ладонь, но он этого даже не заметил. Он снова посмотрел на меня — на этот ледяной изгиб моих плеч и мое абсолютное, выверенное игнорирование. Слишком спокойная. Слишком равнодушная. Это уже не было про минутный интерес. Это был прямой вызов его авторитету, его власти в этих стенах.

— Неделя, — повторил он, и его голос внезапно стал жестким, в нем отчетливо послышался холодный стальной блеск. — Семь дней, Марк. И она будет лежать в моей постели.

Марк присвистнул, почуяв настоящий азарт и легкое безумие ситуации.

— Ого, ставки растут. Что на кону? Просто деньги — это скучно.

Даниэль на мгновение задумался, глядя на свои татуи-

ровки, а затем едва заметно кивнул в сторону окна, где на школьной парковке в лучах утреннего солнца хищно блестел матовый кузов его черного «Мустанга».

— Моя машина.

В классе словно выкачали воздух. Марк замер. Ставить на кон «Мустанг» было чистым безумием, но Даниэль не колебался ни секунды. В его мире, выстроенном на деньгах отца и собственной наглости, не существовало слова «проигрыш». Он привык получать всё: лучшие оценки, победы в драках, самых красивых девушек. Мир всегда прогибался под его тяжелым взглядом, и он просто не знал, каково это — слышать окончательное, бесповоротное «нет».

— Ладно. Принято. Но условия жесткие: если через неделю ты не получишь результат — то машина полностью переходит ко мне. Согласен? — Марк прищурился.

— Я не проигрываю, Марк. Ты это знаешь лучше других, — Даниэль произнес это с такой убийственной, почти пугающей безмятежностью, что у его друга по спине пробежал холодок.

— А если ты выиграешь? Что тогда?

Даниэль снова медленно перевел взгляд на меня. Я кожей, каждым нервным окончанием почувствовала этот взгляд — он не был просто любопытным, он был тяжелым, собственническим, словно невидимая сеть, которая уже начала затягиваться на моих плечах.

— Тогда, — Даниэль сделал эффектную паузу, и его губы

тронула хищная усмешка, — она полностью переходит в мою собственность. И никто не посмеет к ней прикасаться или даже смотреть в её сторону, кроме меня самого. Она станет моей личной территорией. Закрытой зоной.

— Ты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.